

СКАЗКА
о
КУПЦЪ СЪ КУПЧИХОЙ И О
ВЫКРАДЕННОМЪ У НИХЪ СЫНЪ.

Въ нѣкоемъ то было государствъ,
За тридевять земель въ тридесятомъ
царствъ,
За тѣми ли за морями широкими,
За горами крутоярыми высокими,
Гдѣ лѣшие съ русалками пьють да
гуляютъ,
Хлѣбъ—соль водятъ, да братство
знаютъ,
Гдѣ вѣдьмы съ домовыми въ свайку
играютъ —
А о прочемъ иномъ здѣсь не говоримъ,
А краткости ради теперь умолчимъ —
Тамъ—то, слышь, жиль—быль купецъ,
Честной господинъ, удалой молодецъ,
Жила была — ужъ одно къ одному, —

А то бы знать скучно и ей и ему —
Жила была съ нимъ, съ купцомъ, и
купчиха.

Хозяйка была бѣдовая; стряпуха,
повариха,

Какой другой не сыскать, не найти,
Хоть весь бѣлый свѣтъ шаромъ обкати;
И хозяйства даль Богъ имъ вдоволь и
до—сыта:

Кубышка по край, черезъ верхъ
набита —

Знать Господь починъ въ торгу
благословилъ,

А въ починѣ вся и сила; онъ и дорогъ
купцу и миль.

Касьянычу, вишь, тысяча, что намъ
грѣшнымъ полтина;

Былъ онъ богатъ и торовать дѣтина —
Ну денегъ пропасть, что и говорить,
Да вотъ бѣда: не на кого ихъ копить!
А не впрокъ же ихъ, что огурцы
солить —

Прости Господи да не дай согрѣшить —
Да только добряки наши жили, жили,
Добра стало много, а дѣтей не прижили.

Туть кума Соломонида, да свать
Демьянъ —

А гдѣ сказки, тамъ и онъ; хоть званъ,
хоть не званъ —

Сватъ да кума, покачавши головой,
Вздохнули да перетакнулись промежъ
собой;

А свать и примолвиль: «Дуй—те горой!
Такъ все на свѣтѣ торчмя головой!
Поди вотъ теперь хоть, примѣромъ
сказать,

Чтобъ рѣчи твоей, тѣзка, не перебивать,
Хоть Кирсановъ нашъ — ни плутъ, ни
дуракъ,

Ни воръ, ни пьяница, ну казакъ какъ
казакъ,

Захаять не за что — и даль Богъ племя,
Даль Богъ дѣтушекъ ему съ три
беремя —

Такъ нищета одолѣла; а глядишь, что
годъ,

То у него въ домѣ приплодъ да
приплодъ;

А купчиха твоя тѣзка, съ купцомъ

Живутъ—попивають, дворомъ и
домкомъ,

Хозяинъ въ довольствѣ, хозяйка
молода,

Да вишь, Господь Богъ не даетъ плода!»

— Власть Господня, — молвила кума;

— Кому таланъ, кому два, а иному и
сума.

Волѣ Господней перечить не станешь;

Не дастъ, такъ съ чѣмъ ляжешь, съ
тѣмъ и встанешь.

А все за грѣхи наши надъ нами творится;
Нынѣ народъ, вишь, и Бога не боится;
Съ бритоусцами єсть и хлѣбъ—соль
водить,

Бороду стрижеть, да по новому ходить,
Проѣзжихъ обѣ одной оглоблѣ возить —
А заглянь въ карманъ, такъ не бось еще
носить

Погань эту, на московскую стать —
Языкъ не поворотится, чтобы ее и
назвать —

И тѣло сквернять, и душу губять,
А небось огня геенского не любять... —
«Кума, кума! вотъ то—то молода;

— А кумъ нашей шестьдесятъ—два
года —

Вотъ то—то въ головѣ твоей *бабій умъ*,
По нашему: *перекати поле*», молвилъ
кумъ,

«Дуешь по вѣтру, черезъ пень въ
колоду,

По горамъ, такъ по горамъ — въ воду
такъ въ воду —

А на эдакой умъ надежда плоха;

Да не будь на бѣломъ свѣтѣ нашего
грѣха,

Такъ, правда, сатана на расправу не
потянетъ,

Да вѣдь и милосердія Господняго тогда
не станетъ;

Не согрѣшивши не умолишь — чай
знаешь сама;

А ты бы языкъ прикусила, кума,
Вѣдь онъ безъ костей, замотается подъ—
часъ;

Коли болыно праведна — отмаливай за
насъ;

Постничай сколько хо'шь, а со
свекровью не дерись —

Да и кумовья не черти, и съ ними не бранись.

Потолкуй-ка еще съ нами, станешь поумнѣй;

А послушай нашей сказки — уснешь поплотнѣй!»

Такъ у нашего у купца, у добра молодца

Всего было вдоволь: и добра и животины,

А дѣточекъ нѣтъ. Разъ, справивъ именины,

Какъ долгъ христіанскій велить, справивъ пиръ —

Да пиръ на весь міръ, на причеть и на клиръ,

Да употчивавъ всѣхъ гостей на убой,

Что не на своихъ ногахъ поволоклись домой —

Да оставилъся одинъ, то есть самъ-другъ съ женой —

Распоясался онъ, утеръ потъ полою,

Присѣль на лавку, покачаль головою,

Бороду разгладиль, самъ тяжко вздохнуль,

Помолчаль, помолчаль — да на хозяйку
взглянуль:

«А что—де, Устиньюшка, много—ль
будеть проку,

Что станемъ поить до упаду Кузьму да
Фоку,

Сзывать на хлѣбъ—соль добрыхъ
пріятелей,

Дружковъ—толоконничковъ,
неспѣсивыхъ прихлебателей?

У денегъ глазъ нѣту; имъ что дорога, то
и путь;

А помремъ, такъ и нечѣмъ будеть нась
помянуть!

Послушай—тка, умница, немудраго мо'го
слова —

Ино путное выходить, изъ словца
простова:

Дѣтей намъ Богъ не даль; не кому добра
покинуть —

Живи, поживи — а придется же сгинуть

Какъ по душу придутъ; и добро
пропадеть,

Туда—да—сюда, по чужимъ рукамъ
пойдеть;

Давай, сотворимъ мы богоугодное
дѣло —

А тамъ — прими Господь душу, а земля
грѣшное тѣло;

Авось, не смируется—ль еще Создатель,
Всемилосердый нашъ за грѣхи каратель;
А покрайности люди нась добромъ
помянуть,

Да молитву прочтуть, какъ на голубецъ
нашъ глянуть.»

Устинья не прочь; — на богоугодное, —
говорить,

— И самъ Господь нась съ тобою
благословить;

Съ Богомъ, Касьянычъ, гдѣ рука, тамъ
и голова! —

И стали они думать — да отъ Рождества
до Покрова

Все думали, гадали, а къ чему
приступиться не знали.

«Коли Божій домъ, богадѣльню
построить,

Такъ въ ней въ одной всѣхъ калѣкъ не
пристроить;

А они народъ простой, чести не знаютъ,

На всѣхъ не угодишь, такъ того гляди
еще обругаютъ;

И будеть за нихъ на томъ свѣтѣ
икаться —

Пропадешь ни за грошъ, а ты думалъ
спасаться!

Построить было церковь, святой Божій
храмъ,

Такъ оно бы и ладно, знаю я самъ,
Да вѣдь дѣло-то оно, ви'шь, больно
святое;

Это не то, что прочее иное —

Поколѣ управишишься, да дѣло
повершишь —

Не хотя либо тутъ, либо тамъ и
согрѣшишь;

А согрѣши помышленіемъ, не то чтобы
дѣломъ,

И не виноватъ, кажись, ни душой, ни
тѣломъ,

А все пропало, добру не бывать,

И на томъ свѣтѣ видно кары не
миновать!

Тамъ было думалъ я на свой приходъ

Школу построить — ну, такъ народъ,

Да и старики наши, говорять, не
годится;

Не велять учиться, а велять поститься,
Свѣтскихъ книгъ не читать, а поболѣ
молиться.

Какъ быть, да кого слушать — кто ихъ
зна'ть.

А вѣрнѣй всего, что будешь виноватъ.
Опять же, признаться, и то сказать,
Мальчишекъ стануть пороть, да дратъ,
За цыфирь да за грамоту, за *оиту* да за
ять —

Такъ они нась съ тобой, Устиныушка,
проклянутъ;

Добромъ не помянуть, отцами не
назовутъ.»

Туть хозяйка подхватила: — такъ
построй монастырь;

У тебя же лежить на задахъ пустырь —
Чего съ нимъ няньчиться; пора
развязаться;

И то ужъ городничій сталъ придираться,
Ви'шь, невидаль ему, что поросло мѣсто
травой,

Что коровушка ходить, да три овцы съ козой! —

«Оно такъ, Устинья, оно бы и ладно,
Оно бы для души христіанской отрадно,
Да вѣдь, прости Господи, наши чернецы
— А купецъ былъ католикъ, какъ за моремъ всѣ купцы —

Вѣдь какъ подумаешь, да на нихъ поглядишь,

Такъ вѣдь нехотя съ ними и согрѣшишь;
Анъ грѣхъ-этъ, глядишь, на тебѣ лежитъ,

И пропалъ на томъ свѣтѣ, что турокъ, либо жидъ.

А я, Устиньюшка, думаль было такъ:
У нась вотъ перевозъ; а перевозчиковъ, собакъ,

Прости Господи, во вѣки вѣковъ не дождешься,

Не допросишься, не докричишься, не дозовешься:

Не то спять, не то заберутся въ кабакъ;
А тутъ мужичокъ подъхаль съ сѣномъ,
Со свеклой, съ капустой, съ лукомъ, съ хрѣномъ,

Туть съ хлѣбомъ иной, другой со скотомъ,

Глядишь — пріѣхали да и засѣли;

Къ базару ъхали, а за рѣкой просидѣли,

Да еще и проѣлись, прохарчились кругомъ —

Вотъ онъ каковъ живетъ, нашъ паромъ!

А вѣдь броду—то нѣть; наша рѣка

Почитай также Москва — широка и глубока.

Такъ умысель мой, Устиныушка,
простъ:

Построимъ, во славу Господню, мость;

Анъ кто ходить ли, ъздить ли по немъ станетъ,

Авось нась съ тобою по добру помянеть!»

— Касьянычъ, Касьянычъ, и что туть говорить,

На себя клепать и Бога гнѣвить —

Будто ты, хоть себя въ услугахъ уморишь,

Будто ты, говорю, на людей угодишь!

Да это, прости Господи, сатанинское сѣмя,

Отъ перваго до послѣдняго, Адамово
племя! —

— А ужъ правда, что свать мой не
даромъ говорить,

Бабье сердце что котель кипитъ;

Ну, пусть же ее сидить да бранится;

А намъ, не угодно-ль по мосту
пройтиться;

Вотъ изволишь ли видѣть: мостъ на
сваяхъ,

На сходахъ, на сводахъ, на желѣзныхъ
спаяхъ,

Съ отводами, съ разводами, съ быками и
со столбами,

Съ перилами, съ правилами, съ цѣпями
и съ фонарями.

И народъ, изволишь видѣть, тутъ-же
толпится,

Не нахвалится, не нарадуется, не
наглядится —

А Устиньюшка наша, какъ смѣтила, что
дѣло

Пошло на ладъ, давай хвалить его
смѣло;

И ну раскланиваться, да съ кумушками
толковать:

«Ужъ насилу де-ска'ть смогла
Касьяныча уломать;

А то, говорить, сперва было, гдѣ
пустырь

У насъ на задахъ, хотѣль строить
монастырь;

А тамъ опять богадѣльню, да школу —

И, отецъ мой, молвила я, нашоль у
Людей, у народа, совѣсть да честь!

Поколѣ у тебя копѣйка есть,

Да поить, да кормить, да припѣвать имъ
станешь,

Такъ ладно все; а какъ только
перестанешь,

Либо Господь по душу пошлетъ —

И поминай какъ звали; все пропадеть!

Покланяются деньгамъ твоимъ, не
дѣламъ;

А дѣломъ не угодишь, хоть разорвись
пополамъ:

На чести людской уѣдешь не далеко:

У черной коровки бѣлое молоко,

А отъ человѣка того не дождаться намъ.

Онь, ви'шь, посмотрѣть, съ лица–то и бѣль,

Да душа черна; оттого онъ и смѣль
На брань, на укоръ, и на руку нечистъ,
Оттого у него и языкъ злорѣчистъ —
Говорить одно, а помышляеть другое;
Оттого и въ помышленіяхъ у него худое;
Стелеть онъ мягко, да жестко спать...»
Словомъ, всего намъ не пересказать,
Что Касьяныча хозяйка наговорила;
Она, ви'шь, язычкомъ и шила и мыла,
И гладила и катала, и ткала и лощила.
Да бабья думка, да бабій кадыкъ —
Бабій умъ, да бабій языкъ,
Вещь диковинная, дѣло великое;
Города строить, терема кладеть,
И дѣломъ ворочаеть — что пироги печеть!

Устинья, построивъ не городъ, а мость,

Долгій и длинный, что великій пость,
Стала хозяину своему говорить:
«А что, Касьянычъ, надо посадить
Сторожа, чтобы во всѣ глаза глядѣль,

Коли хочешь, чтобы мость у тебѣ
уцѣлѣль;

Народъ уродъ: тутъ зацѣпиль, да тамъ
задѣль,

Того и гляди, что перила поломаетъ,
Фонари побьетъ, надолбы поваляетъ —
Гдѣ глазу нѣтъ, тамъ напасть и бѣда;
Ты посѣй просо, а выростетъ лебеда!

Посадить было намъ батрака, хоть
Ивана,

Вѣдь онъ не хуже любого болвана;
Пусть лапти себѣ ковыряетъ, сидѣть,
Да пусть послушаетъ, что народъ
говорить.

Николи тебѣ правду не скажутъ въ
глаза —

А ты подслушай, что говорять за—глаза,
Тогда, хоть ты на нихъ и попеняешь,
Да за то ужъ всю правду—матку
узнаешь!»

Сказано — сдѣлано, на мосту Иванъ
сидѣть,

Да слушаетъ что народъ говоритъ.

Отцы мои! да кто же на людей угодить?

Одинъ идетъ да про себя молчить;

Ему и нужды нѣть, что тута мость
стоить!

Другой идетъ — богаты больно,
говорить,

Ви'шь, долги больно стали у нихъ
животы,

Такъ отъ нечего дѣлать стали строить
мосты!

Третій идетъ да ворчить: Экъ ихъ лѣшій
подбиль!

Ужъ я бы лучше на эти деньги землицы
купилъ,

Вскопаль бы огородъ, да посѣяль бы
луку,

Да сидѣль бы да ълъ, сбывалъ бы съ
рукъ скуку!

Ну, словомъ, всякъ, кто по мосту ни
пройдется,

Бранить Касьяныча по своему, и не
запнется!

Идуть себѣ наконецъ двое старичковъ;
Тѣ — знать были охотники до мостовъ —
Разговариваютъ промежъ собою, да и
говорять:

«Дай Богъ здоровья, да чего сами захотяты,

Старичкамъ—добраямъ нашимъ за доброе дѣло;

Знаемъ мы чего хотятъ они, да время не приспѣло —

А черезъ годъ со—днемъ видно ждать имъ сына.

И хорошъ, пригожъ уродится дѣтина:

И собой молодецъ, и досужливъ, и удалъ;

Что—бъ ни задумалъ, что—бъ ни загадалъ,

Тому такъ и быть: его слово законъ

И что ни задумай онъ, какъ въ руку сонъ!»

Батракъ Иванъ лапти ковырять ковыряеть,

Да самъ слушаетъ и про себя смекаетъ.

Пришелъ домой, а купчиха его въ допросъ:

«Лапти—де повѣсь въ клѣть, еще не близокъ покосъ,

А ты скажи намъ, что люди говорили:

Чай все бранять, а добра не посулили?»

— Нѣтъ, — говорить Иванъ, почесавъ затылокъ и спину,

— Оно конечно, что таить, было всякаго помину;

Однако двое старииковъ таки за васъ помолились:

Дай Богъ имъ-де здоровья — а сами перекрестились —

Да одинъ и говорить: ну, не даромъ же и потрудились;

Господь имъ, черезъ годъ со-днемъ, дѣтище пошлетъ, чадо,

А имъ, какъ бездѣтнымъ, я-де знаю, того и надо. —

Вотъ что, всего на все, сказалъ имъ батракъ Иванъ;

А что будетъ у сына ихъ талантливый таланъ,

Что по-слову его, что-бъ ни загадаль,

Все будетъ дѣлаться — о томъ умолчаль.

Да, плоха живеть на свѣтѣ побранка да побайка,

А и плоше того молчанка да утайка;

А малость народу угодить въ сердку,

Да держить на перевѣсъ языкъ и глотку.
Иной наскажетъ тебѣ да наплетесть,
Что и чортъ не распутаетъ, и самъ не
разбереть; —
Другой же, притаившись, такъ славно
смолчить,
Что не хуже горлодрая и въ молчанку
подсидить!
Нужды нѣть; ну ихъ, пусть хлопочутъ
да трудятся —
Вѣдь жаба и крыса на что нибудь да
родятся,
И змѣя и клопъ и иные гады...
Купецъ съ купчихой страхъ какъ были
рады,
Что имъ за благое житѣе да за посты,
Да за доброе дѣло, за долгій мостъ,
За сердоболіе, за тороватость,
Господь посыпаетъ такую радость.
И вѣрятъ и не вѣрятъ — и не знаютъ
какъ быть —
Туть глядь — а купчихѣ пришло время
родить.
Родила она сына, батракъ Иванъ его
укралъ,

Да зарѣзавъ цыпленка кровью и
замаралъ

У матери ротъ, будто она сына съѣла;

А она видно уснула, да младенца и
проглядѣла.

Хвать да хвать, искать поискать —

Анъ его ужъ и нѣть, и поминай какъ
звать.

Касьянычъ съ хозяйкой тужить
потужили,

А какъ добыть сына, ума не приложили;

Поститься—ль, молиться—ль, внести ли
вкладъ,

А—ль опять строить мостъ — купецъ
всему радъ,

Только бы даль Господь снова ему
кладъ,

Радость на старость, въ одинокой долѣ;

Да хозяйка ему ужъ не давала воли:

«Богу не угодишь—де, и людей не
удивишь,

А добро свое размечешь, да карманъ
разоришь.

Нѣть, Касьянычъ; ужъ что будетъ, то
будетъ,

А деньгами не сори; отъ этого не прибудеть.

Будто ты, хоть себя въ услугахъ уморишь,

Будто ты, говорю, на людей угодишь!

Да это, прости Господи, сатанинское съмѧ,

Отъ первого до послѣдняго, адамово племя...»

Касьянычу рацея эта была больно знакома,

Онъ и радъ бы отъ нея не сказаться дома —

Такъ онъ ужъ не сталъ, ни перечить ни спорить,

Чтобъ Устиню свою больше не раззадорить.

Тѣмъ часомъ малый ростеть да добрѣТЬ,

Что подовый пирогъ въ печи спѣТЬ да зреТЬ —

А батракъ Иванъ его учить да мучить,

То пригрозить, то поканючить —

А больше наукой заправляла плѣтка,

«А для науки», говорить Иванъ, «плётка находка.»

И такъ онъ изловчился и малаго извадилъ,

Такъ его направиль да про себя наладилъ,

Что, бывало, что-бъ ни захотѣль, ни пожелалъ,

Только малому подскажеть — тотъ вздумалъ, загадаль —

А оно туть и есть; таки что ни захотѣль.

Такимъ-то дѣломъ батракъ нашъ разбогатѣль,

Ѣль-пиль солено да кисло, а ино

Ѣдалъ и сладко да пиль пьяно.

Однако Ивану пироги пріѣлись;

Да и деньги тожь подъ конецъ приглядѣлись;

Вѣдь слово сказано и всякому известно,

Что все это дорого и любо намъ и лестно

Поколь его нѣть; а какъ все привалило,

Такъ оно и надоѣсть; оно ужъ и не мило.

Что есть, то есть, то ужъ не взачеть,

А все бы ви'шь добиться до того, чего нѣтъ.

И батракъ нашъ задумаль съ новинкой поноситься:

Задумаль, разжившись, слюбиться да жениться.

Такъ вотъ бѣда: и прихоть—та съ походцемъ:

Купи ви'шь пилу, да чтобъ была съ разводцемъ!

Нашему брату, что ни дѣвка, то невѣста:

А тутъ расходился, не найдеть себѣ и мѣста;

Бывало облизывается глядючи на калину —

А тутъ ужъ не глядить и на лѣсную малину!

Накинуль глазомъ на дородную мѣщенку —

А спасибо еще, что не полюбиль дворянку —

Такъ та не туда ви'шь, и знать его не хочетъ;

Да Иванъ мой не тужить, не больно хлопочеть:

Конь и радъ не везъ бы, да кнутъ
погоняетъ,

А Ивану плетка за все отвѣчаетъ:
Посѣкъ мальчишку, да сгадать наказаль,
Чтобы та полюбила, да еще и
пристрашаль

— А остростка ину пору дороже
побоевъ —

Оно такъ и сталося; та изъ своихъ
покоевъ

Шлеть свахъ за Иваномъ: скорѣй, не
дождется;

Либо утопится, либо убьется,
А тошно безъ тебя ей, на бѣломъ свѣтѣ
не живется!

И сосваталь онъ дѣвку, инно людъ
мірской испугался:

Что—де за притча! А Иванъ себѣ
обвѣнчался,

Сталь жить да поживать и всѣмъ въ
глаза насмѣялся.

Нашъ Иванъ отъ Касьяныча давно ужъ
отошелъ

И жилъ онъ въ другомъ городѣ, гдѣ
невѣсту нашелъ.

Вотъ разъ както ночью — видно
выспавшись днемъ,

А день быль воскресный, такъ
всхрапнула таки путемъ —

Разъ ночью жена взяла Ивана въ
допросъ:

«Отколь—де и съ чего все это взялось?

Дьячиха говорить, что быль ты больно
убогъ,

И жиль въ батракахъ, такъ какъ
Господь тебѣ помогъ

Эдакъ съ легкой руки больно скоро
разжиться,

Что кто ни поглядить, всякъ только
дивится?»

— Молчи, — говорить Иванъ, — ужъ вы
мнѣ съ дьячихой!!

Унесъ я ви'шь сына у купца съ
купчихой,

А малый съ таланомъ: чего ни
пожелаетъ,

Какъ въ руку сонъ, только загадаетъ;

А чтобы слѣды затерять, да укрыться,

Такъ я ей ночью крови подаль
сполоснуться да умыться,

Да въ кровь омокнулъ и конецъ полотенца:

Купецъ такъ и подумалъ, что съѣла—де младенца;

Бабища она злая, а хозяинъ—этъ митяй —

Ужъ на языкъ остра, а на—зубъ — ай, ай; —

Тѣмъ часомъ мальчишка не спалъ, а притаился,

Да слышалъ все, да про себя и помолился,

Чтобъ уйти ему отъ напасти и неволи;

А Ивану посулилъ онъ собачьей доли;

Перекинуться—бъ ему за ночь мохнатымъ псомъ,

Да слѣдить за мальчишкой, да вертѣть хвостомъ,

И не радъ хрѣнъ теркѣ, а по ней боками пляшеть;

И не радъ Иванъ своей шубѣ, а хвостомъ машеть.

Малый проснулся — въ ногахъ, что баранъ,

Лежить, сердечный, собака Иванъ!

И пустился заутре мальчишка домой,
А песъ—Иванъ за нимъ поспѣшаетъ,
какъ свой;
Люди добрые мальчишку на пути
кормили
И собакѣ его было подачку положили;
А онъ говорить: «не надо, не трудитесь
даромъ;
Она хлѣба не ъѣсть, питается жаромъ.»
А люди и говорять: — мы—де много
видали,
А про такое чудо, признаться, и не
слыхали;
Не можно тому быть, твоя собака не
самоваръ,
Чтобъ огонь ей поѣдать, да глотать бы
жаръ! —
«А коли этому нельзя, такъ тому какъ
же быть,
Чтобы матери родной свое дитя
поглотить?
Знайте жъ, люди добрые, что я живъ и
здравъ;
Ведите къ отцу—матери меня, подъ
покровъ:

Отъ пса—Ивана я ушелъ, что изъ
клешней у рака,

Да не обидѣла бъ меня другая собака;

А что будетъ ей кличка не Иванъ, а
Михей,

Такъ мнѣ отъ этого ни легче, ни
теплѣй.»

Касьянычъ земли подъ собою не
взвидѣлъ,

Когда сына опозналъ, да глазами
увидѣлъ;

Заплакала отъ радости и сама Устинья,

Да подала на столъ и щи и ботвинье;

«Ѣшь—де, мое дитятко — а собаку Ивана
привяжемъ,

Да городничему ниже пол слова не
скажемъ:

А то т'ѣ пойдутъ придишки, да допросы,

Да на пять лѣтъ розыскъ, да слѣдствія
да спросы: —

Какимъ—де побытомъ батракъ вашъ,
Иванъ,

Угодилъ въ собаки, и не быль—же
пьянъ?

Упаси Господь! тутъ бѣды не оберешься,

Не токма оть собаки, оть отца роднаго
отопрешься!

— Кушай, мое дитятко, вотъ и масло
коровье,

На кашу; день же скоромный, кушай на
здоровье!»
